

этимъ довольно страницъ, авторъ опять обрываетъ: „опасаясь *надоесть читателю* своими поверхностными (?) и скучными объясненіями, свернемъ лучше на проторенную (?) *фельетонную дорожку*: по ней идти и легче и *веселѣе* (!!)“ (стр. 56). Итакъ, вотъ настоящая дорога куда влечетъ автора и гдѣ ему весело: дѣйствительно слѣдуетъ еще „кое-что о нижегородской ярмаркѣ“, написанное въ развязномъ стилѣ фельетоновъ (плохихъ газетъ)—съ посильнымъ остроумичаньемъ (стр. 56—62). Далѣе. Послѣ описанія Казани, авторъ опять направляется на „проторенную“ дорожку и пишетъ „два слова объ общественной жизни въ Казани“ (стр. 157—165; затѣмъ еще слѣдуютъ „нѣкоторыя свѣденія о Казани“). Въ изображеніи казанской общественной жизни авторъ (какъ это и считается нужнымъ у фельетонистовъ извѣстнаго разбора) оказывается ужаснѣйшимъ зоиломъ: онъ, говоря въ его стилѣ, отдѣлалъ казанское общество на всѣ корки. Сколько мы сами слышали о характерѣ казанскаго общества, замѣчанія автора не совсѣмъ лишены основанія, но авторъ не чувствуетъ, что самый тонъ его разсужденій не изъ тѣхъ, какія внушаютъ довѣріе, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ увидимъ, кое-чего и не доглядѣлъ въ той Казани, которой посвятилъ всего больше мѣста въ своей книгѣ. Упомяная дальше о хорошемъ путеводителѣ, составленномъ лѣтъ двадцать назадъ Н. П. и А. П. Боголюбовыми, авторъ выражаетъ недоумѣніе, что эта книга имѣла мало успѣха и замѣчаетъ: „Такой неуспѣхъ серьезнаго, крайне интереснаго и украшеннаго многими гравюрами путеводителя объяснить довольно трудно; вѣроятно, большинству публики онъ показался *скучнымъ*, такъ какъ не содержалъ въ себѣ ничего *фельетоннаго, пикантнаго*“ (стр. 196). Новѣйшій авторъ именно и хлопочетъ дать своему труду эти послѣднія свойства—несчастная мысль, которая, напротивъ, часто дѣлаетъ его книгу чрезвычайно скучной, не только потому, что „пикантность“ плохого фельетона вовсе не требуется въ путеводителѣ, но особенно и потому, что сопровождается нерѣдко весьма крупными недосмотрами и ошибками.

Остроуміе и галантерейный стиль автора преслѣдуютъ читателей на всемъ пространствѣ книги. Приводимъ нѣсколько примѣровъ. По поводу плашкоутнаго моста черезъ Оку въ Нижнемъ, который предполагаютъ замѣнить постояннымъ, авторъ выражается такъ: „все дѣло въ презрѣнномъ металлѣ, котораго требуется ни-много, ни-мало, какъ *милліончика* 2—3. Городу такой суммы взять неоткуда; пробовали украдкой *кивать* на казенный сундукъ: „Это, молю, государственное сооруженіе“, но *матушка-казна* хранить глубокое молчаніе (отд. 2, стр. 28). По поводу оврага, засыпаннаго въ Нижнемъ, авторъ восклицаетъ: „все обдѣлывается, задѣлывается, приглаживается;